

The background of the entire page is a vibrant, impressionistic painting of a sky. The colors transition from a deep blue at the top to a bright yellow and orange at the bottom, suggesting a sunrise or sunset. The brushstrokes are thick and textured, creating a sense of movement and depth. The overall mood is bright and energetic.

Беги, Джон Хайнц. Беги!

18+

Белоус Олег

Олег Белоус
Беги, Джон Хайнц. Беги!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69468040

SelfPub; 2023

Аннотация

Судьба маленького человека, попавшего в жернова "электронного" концлагеря.

Олег Белоус

Беги, Джон Хайнц. Беги!

Джон Хайнц бесцельно шагал по гулкой мостовой, словно в коконе каменного одиночества. От бессонных ночей кожа его лица отливала синевой, из ввалившихся глазниц устало глядели черные, сухие глаза.

Где-то пронзительно орали чайки. Небо цветом словно из старого чугуна.

Мимо проезжали велосипедисты и электросамокатчики, объезжая сереющие на асфальте лужи и, притормаживая перед ржавыми рельсами, пересекавшими улицу, спешили укрыться в уютных квартирах пока солнце не погрузилось в море окончательно и город не накрыла теплая ночь. Равнодушно скользили по Джону взглядом, словно его не было. Словно он пустое место. А может так и есть? Может человек, которого стер, вычеркнул из жизни управляющий городом суперкомпьютер, так и есть, пустое место?

Из окон коттеджей лился наружу ядовитый, желтый свет. Они были как мертвые, остекленелые, как глаза пресмыкающихся.

И ноги его, казалось, шагали сами по себе: мимо, мимо.

Между домами сгущалась тьма, размывая, пряча очертания предметов.

Ржавые рельсы, подумал он. Какая глупость! Откуда на

самом ухоженном, самом экологичном, самом обустроенном городе Земли: Oceanix City, ржавые рельсы? Да такого не может быть! Он даже остановился перед ними. Действительно. Рельсы. Ржавые.

И провода над улицей свистели: мимо, мимо.

И ноги шагали сами по себе: мимо, мимо.

Он скрипнул зубами, ускоряя шаг.

За что меня? Почему я? Ведь он делал все, чтобы рейтинг лояльности корпорации был высок, все, чтобы избежать отрицательных баллов. Он даже несколько раз спал с женщиной. Больно, обидно, но он терпел. Зато по совокупности баллов ему должны были выдать разрешение на усыновление ребенка. Этакого белокурого ангела из Восточной Европы или хорошенького мальчишку из Азии. Уж как бы он заботился о нем!

Джон зарыдал. Очень хотелось есть. Недоеденного бутерброда, забытого на скамейке остановки самого экологичного электроавтобуса вчера вечером, было мало, катастрофически мало. А еще он очень устал.

А мимо все проезжали люди, скользя по бредущей по тротуару фигуре в грязной футболке и шортах невидящими взглядами.

И, вдруг, он увидел, что на бледных лицах, проезжающих мимо людей, слишком яркие, неестественные губы. Да это не лица даже, это какие-то маски. Нет! Звериные морды!

Он закричал. Он побежал, задыхаясь, преследуемый

невидящими взглядами. И крик этот был остер и горек, словно винный уксус...

За пять дней до этого.

В закатных лучах тонущего в море солнца, Джон, слегка покачиваясь, шагал к своему коттеджу. Со следующего дня он в отпуске на десять дней и, значит, посещение бара, где он немного увлекся коктейлями... Да, он признает это! Не грех. А вполне допустимая вольность. Иногда он задумывался, как же ему повезло, что он единственный из их выпуска Принстонского университета получил великолепную работу в компании «Abbott Laboratories»! А когда он получил приглашение поселится в городе-острове Oceanix City, городе-мечте, созданному лучшими дизайнерами мира, ему завидовали все приятели, а он упивался собственным триумфом. Воистину, он лучший и самый успешный из всех Хайнцев!

Он подошел к двери и встал так, чтобы попасть под обзор повернувшейся к нему видеокамеры.

– Открывай тупая железяка! Человек, пришел, а это звучит гордо! – произнес пьяненьким голосом и расслабленно хохотнул. Собственные слова показались ему ужасно остроумными.

Что-то скрипнуло, потом из динамика над дверью послышался синтезированный, машинный голос:

– Внимание! В соответствии с Кодексом корпоративного поведения, статьей 123.12 вы совершили правонаруше-

ние третьей степени – оскорбление на расистской почве, за что приговариваетесь к блокировке счета и электронного досье. В доступе в коттедж 1075 g вам отказано. Внимание! В соответствии с Кодексом корпоративного поведения, статьей 123.12 вы совершили правонарушение третьей степени – оскорбление на расистской почве, за что приговариваетесь к блокировке счета и электронного досье. В доступе в коттедж 1075 g вам отказано. Решение может быть обжаловано у генерального директора «Abbott Laboratories».

Джон качнулся и пьяно моргнул. Потом понял, что именно ему сказал управляющий городом суперкомпьютер, и по телу прошло нечто вроде судороги, оставившей после себя покрытую мурашками кожу. Рот пересох, и он в единый миг протрезвел.

– Вы, ты... ты не можешь меня отключить от всего... – произнес растерянно. Динамик молчал.

Человек торопливо вытащил из кармана телефон. На экране горела надпись: «Телефон не обслуживается». Задрожавшие руки вытащили из рукава рубашки браслет-опознаватель – платежное средство работника компании. В его полупрозрачной глубине пульсировал алый огонек, что означало, что он отключен. Он поднял взгляд и с ненавистью посмотрел на дверь, словно за ней скрывается его обидчик.

– Ты... ты не можешь со мной так поступить! Что я такого сделал? Сволочь!

Динамик молчал. Человек подскочил к двери и схватил-

ся за ручку. Электрический разряд пронзил тело, он с криком полетел мешком на землю. Тело забилося в невыносимых конвульсиях. Замычал.

– Предупреждаю, попытки проникнуть в собственность компании «Abbott Laboratories» являются федеральным правонарушением и повлекут вызов федеральных полицейских!

Инфраструктура, машины и здания, мебель и «личные» вещи – все в городе принадлежало компании. Работники: от директоров до последнего уборщика размещались как в гостиницах с полным сервисом – уборкой, постиркой, доставкой еды и прочим, различались только объемы доступных услуг. Чисто, ничего лишнего, замкнутый цикл переработки отходов, зеленые технологии и парковые зоны, бесшумный электротранспорт. За всем этим следил управляющий городом суперкомпьютер.

За работу начислялись денежные средства на закрытые счета принадлежащего компании банка, но тратить их жители могли только в закрытой экосистеме корпоративных услуг. Взамен обитатели города обязаны выполнять правила корпорации. За лояльность начислялись бонусы, а за нарушения – штрафные санкции,

Человек с трудом опираясь ладонями о землю, поднялся и всхлипнул. Недоумение и злоба душили его. Недоумение, почему это случилось с ним, и разгоралась в нем злоба к тупой железяке, заблокировавшей его. Как он может подать за-

явление об ошибке управляющего суперкомпьютера если телефон заблокирован, а ноутбук в коттедже недоступен? А к рассмотрению принимаются только заявления, подписанные личной цифровой подписью, которая есть только на телефоне и ноутбуке?!

Он попал в безвыходное положение. Он потерял все.

С губ сорвалось тихое проклятие. Человек направился на северо-восток – место жительства управляющих, инженеров, а также городских служащих и небольшой группы самых квалифицированных специалистов. Там стоял и коттедж босса. Несмотря на поздний час он встретил профессионально-любезной улыбкой, но выслушав историю Джона и проверив по корпоративной сети, изменился в лице и сухо произнес, что это личные проблемы и решайте их сами. Дверь захлопнулась перед носом Джо. Коллеги по работе, они уже были в курсе произошедшего, при виде Джона перебежали на другую сторону дороги. Делали вид что незнакомы. Он стал словно прокаженный.

Пять суток метаний под палящим солнцем и судорожных попыток доказать, что не виноват, ни к чему не привели. Он не мог ни рассказать о проблеме начальству, ни пожаловаться, ни купить себе еды или проживание в самом низкопробном номере. Эти дни он провел голодный, ночуя, где придется на улице. Он отчаялся. Его не было. Его стерли из города. Его стерли из жизни. Его стерли из мира людей...

Джон Хайнц остановился, согнувшись, когда уже не мог

бежать, захлебываясь, словно загнанная лошадь. Время застыло. Тяжелый воздух с трудом проникал в горло, серые тучи нависли над головой, мир замкнулся в маленькую корбочку, такую ненужную, незначащую.

Оглянулся с некоторым недоумением. Дескать, где я?

Он стоял на побережье. Звон южных цикад смешивался с мерным плеском воды. По-ночному черные волны украдкой лизали пляж; зонтики отбрасывали глубокие, угольные тени на песок. Желтые блики на груди моря вздымались и опадали вместе с его дыханием – одинокие желтые звезды, отраженные в воде. Море... безбрежное море в объятиях ночи вело в неведомые страны. Быть может там его не стерли? Быть может там он еще в мире людей?

Внезапно его внимание привлекло нечто квадратное, черное, в нескольких метрах от белеющей линии прибоя. Это был бак пищевых отходов, куда загоравшие на пляже бросали недоеденное. От мысли об еде: всех этих аппетитных гамбургерах, сочных чизбургерах и просто бутербродах громко забурчало в ссохшемся животе. Он не отрывал от бака загоревшийся взгляд. В груди kloкотала обида, а чувство глубокого стыда, сопровождавшее его пять ужасных дней, уже сидело в печенках. Но он хотел есть. Даже не так. Он хотел ЖРАТЬ! О как быстро человек, считающий себя цивилизованным, под воздействием невзгод и голода превращается в животное.

Сглотнув и промочив слюной сухой рот, он шагнул по на-

правлению к баку.

Джон выискивал в темноте бака более-менее чистые и целые куски и жадно засовывал в рот, ел давясь и чавкая.

Внезапно слышался шум винтов и полоснул болезненно-яркий свет, он закрыл глаза, но свет жег даже сквозь опущенные веки. Рука упала, пальцы разжались, надкусанный гамбургер бесшумно шлепнулся на песок.

Громовой голос объявил:

– Вы нарушаете Кодекс корпоративного поведения статью 178.3! Запрещено самостоятельное обращение с отходами. Оставайтесь на месте до прибытия экипажа полиции. Повторяю. Вы нарушаете Кодекс корпоративного поведения статью 178.3! Запрещено самостоятельное обращение с отходами. Оставайтесь на месте до прибытия экипажа полиции.

Джон открыл глаза И тут же закрылся пятерней. Он стоял в круге света. Дуговые фонари дрона с полицейскими эмблемами, висящего перед ним в десятке метров, холодные и белые, безжалостно выхватывали его из спасительной тьмы. И не было черноты более черной, чем тьма ночного пустынного пляжа вокруг.

Боже, – подумал он с тоской глядя на дрон, – да это же ад крошечный... тот самый, о котором говорила бабушка... как давно это было. Как же все осточертело вокруг... А зачем я здесь? Зачем все эти страдания и унижения?

Человек попятился к воде. Круг безжалостного света двигался за ним, держал его в своем плену.

Вот он уже по колени в воде. Вода теплая, как в ванне.

По пояс. Откуда-то издали донесся душераздирающий вой полицейской машины. Человек все пятится, не отводя застывшего взгляда от дрона...